

Утро трудной ночи

Яреци Фернандез

Она так и не смогла зайти в комнату Тору, чтобы убедиться, что он спит. Укрыть его одеялом, чтобы ему не было холодно. Она боялась, что больше не сможет посмотреть в его глаза. Единственное, что она могла сделать, чтобы как-то искупить свою вину, это приготовить поесть. Изучив запасы, она нашла муку, яйца, и стала месить тесто для макарон. Оно было тугое. С большим трудом найдя скалку, она стала раскатывать тесто, впервые делая это сидя на коленях за низким столиком. От напряжения вскоре стали болеть запястья и внутренние стороны ладоней. Но она смогла раскатать тесто, конечно нужная толщина у неё не получилась, и она стала резать его. Потом кинула в кипящую воду, и пока они варились, она сделала соус из помидоров и молока. Это было всё немного, на что её хватило. Перемешала всё и ушла на крыльцо.

Нельзя говорить о том, что можно делать, а что нельзя, не усвоив определённые уроки. Яреци Фернандез всегда думала, что никогда не сможет напиться, а если и напьётся, то сохранит здравый рассудок. Но реальность оказалась другой. И сейчас, сидя на ступеньке крыльца и глядя на звёзды, девушка понимала, что абсолютно ничем не отличается от всех людей. По щекам стекали слёзы, рыдания её душили, но она старалась не плакать в голос, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания. В деревне была глубокая ночь, все спали, даже рынок спал, везде было тихо. Вдруг ещё кто-то не спит? И она привлечёт к себе внимание? В голову в очередной раз проникали разные мысли, слёзы всё текли, голова сильно болела, а ночь продолжалась. И салфетка, взятая со стола, была мокрая.

Звёзды манили, и она не отрывала от них глаз. Вот Большая медведица с Полярной звездой, самой яркой, рядом с ней Малая медведица, ковш которой, по странному стечению обстоятельств, она никак не могла раньше нарисовать. Неподалёку созвездие Дракона, о существовании которого она как-то спорила с подругой-испанкой, сидя на гараже. Ей нравились звёзды, она хотела узнать, что они хранят в себе, по крайней мере наблюдения за ними позволяли ей не думать. Только не сейчас.

По небу пролетела очередная звезда.

- Тору... будь счастлив... пожалуйста... я не хочу видеть в твоих глазах страдания... прошу тебя, будь счастлив, - тихо прошептала она, загадав желание. Пошёл дождь, и она забралась на верхнюю ступеньку крыльца, прислонилась к стене и прикрыла глаза. Скоро должен быть рассвет, что он принесёт за собой?

Незаметно для себя она задремала, так и не встретив рассвет.

Тору Мотидзуки

Несмотря на страх, что заснуть он не сможет, Тору, благодаря выпитому алкоголю, вырубился достаточно быстро. Спал он спокойно, без снов, больше напоминая бревно, чем спящего человека. А вот пробуждение оказалось не таким спокойным,

принеся с собой головную боль, тягостные мысли и острое желание совершить ритуальное самоубийство. К несчастью, все произошедшее до того, как он отправился в мир снов, отчетливо сохранилось в его памяти. И употребление алкоголя, и собственные чудачества, и страстные ответные поцелуи Яреци, окончательно лишившие его разума...

Нахлынувшие воспоминания заставили его обреченно застонать. Как теперь ему смотреть в глаза девушки, после того, как он чуть было не воспользовался ее состоянием и разыгравшимися эмоциями? Что говорить, чтобы окончательно не испортить с ней отношения? Ведь в любом случае она, оказавшись без денег и с непонятными перспективами на будущее, нуждалась в его помощи и поддержке.

Тору поднялся и отправился умываться, пытаясь смыть следы своих ночных ошибок. Но даже после водных процедур его внешний вид оставлял желать лучшего. По степени помятости и величине синяков под глазами он мог посоперничать с заправскими алкоголиками, что, конечно, не слишком его вдохновляло, добавляя дополнительных раскаяний.

Яреци нигде не было видно, но на кухне в глаза сразу бросались плоды ее ночных трудов. Даже после всего произошедшего, она решила проявить по отношению к нему заботу и что-то приготовила, чем вызвала у японца странное болезненное чувство в горле. Чтобы не произошло несколько часов назад, девушка была все так же ему дорога, и любое проявление заботы с ее стороны делало его немного счастливее, чем раньше.

Яреци он нашел задремавшей на крыльце и, испугавшись, что она замерзла, после недолгих колебаний решился ее разбудить.

- Яреци, - Тору осторожно коснулся ее плеча и почувствовал идущий от одежды холод. – Просыпайся и иди в дом.

Он не знал, что делать дальше, но в любом случае, хотел подарить девушке немного тепла, как физического, так и душевного.

Яреци Фернандез

Хоть осень в Китае не такая холодная, как в Москве, и хоть Яреци любила холод и дождь, но сидеть несколько часов на крыльце дома под дождем чревато последствиями. Она болела редко, последний раз заболела, гуляя по Нескучному саду в Москве, когда попала под сильный дождь. Она толком и не лечилась, а потом её стали преследовать эти кошмары. А теперь вот это...

Сквозь дремоту она слышала какие-то крики, шаги, лай собак. На неё никто не обращал внимания. Писклявый звон каких-то колокольчиков с рынка вторгся в её сознание, и она поморщилась и сжалась в комочек, чтобы хоть как-то согреться. И тут на её плечо легла рука, а голос вывел её из этого состояния. Он показался ей хриплым, неуверенным, и каким-то холодным. Она открыла глаза и, столкнувшись с ним взглядом, резко вскочила на ноги. Воспалённый всем произошедшим ночью мозг ответил новой вспышкой боли и головокружением, но она очень быстро скрылась в доме, боясь даже на секунду задержаться, чтобы не вызвать у него какие-нибудь плохие эмоции.

На кухне она подогрела макароны собственного приготовления, положила в миску, налила подливку из томатно-молочного соуса и поставила на стол. Положила рядом палочки и вернулась к плите. Стала варить кофе, пока он закипал, робко посмотрела на мужчину, задержав взгляд на его лице всего на секунду, а потом опустила голову.

- Прости меня за вчерашнее. Я... не должна была так себя вести, - тихо дрожащим голосом прошептала она, чувствуя, что снова разревётся. Она не хотела больше плакать. Она боялась, что он злится на неё, ведь у него был холодный голос. А такой тон чаще всего показывает, что всё, лимит доверия исчерпан, больше общаться не будут. В данном случае он больше не будет в ней видеть кого-то кроме маленького забавного ребёнка. Хотя с чего она вообще решила, что он видел в ней что-то другое?

Подлые мысли полезли в её сознание, и она всеми силами пыталась от них избавиться. Ей было страшно от осознания того, что он может ее вышвырнуть из дома. Но шипение кипящего кофе вернуло ее в реальность, и она разлила напиток по пиалам. Поставила одну перед Тору и стала смотреть в окно.

Тору Мотидзуки

Яреци проснулась, и последовавшая за этим реакция на его присутствие только усилила чувство вины, терзающее Тору с того момента, как он открыл глаза. Не успел он поинтересоваться самочувствием девушки, как та скрылась в доме и вскоре загремела посудой, вызывая противоречивые чувства. С одной стороны, ее стремление создать что-то близкое к домашнему уюту, грело душу, но с другой – царящая атмосфера угнетала и не давала расслабиться и насладиться происходящим.

Пока Яреци подавала то, что успела приготовить за ночь, Тору, молча занявший место за столиком, сидел тихо и старался не привлекать к себе лишнего внимания. Он не был уверен, что сможет сейчас есть, но ему очень не хотелось обижать девушку, вероятно, потратившую немало времени на приготовление пищи. Тем более пахло содержимое поставленной перед ним миски просто божественно.

- Перестань извиняться, - голос Тору звучал устало. – Ничего ты не сделала, я сам виноват.

Он чувствовал, что девушка снова может в любой момент разреваться и не был уверен, что на этот раз найдет правильные слова или сделает что-то способное ее успокоить. А еще он боялся ее слез и того чувства бессилия, которое они с собой принесут. Чтобы как-то отвлечься от тяжелых мыслей, Тору взял палочки и приступил к еде, уже с первой пробы понимая, что уже очень давно не ел чего-то подобного. И дело здесь было не в конкретном блюде, а в чем-то неуловимом, что он не мог описать словами.

- Это вкусно... Очень... - Вкус приготовленной Яреци еды подействовал на него странным образом. Тору почувствовал, как на него начала накатывать волна злости на эту чертову реальность, в которой все простое делается настолько сложным. Пытаясь справиться с обуревающими его чувствами, он крепко сжал палочки в руке,

но это сделало лишь хуже, проведя к тому, что японец с размаху ударил ими по столу, ломая одну из них и переворачивая пиалу с кофе.

- Да почему же все так! – Тору сорвался с места и, в чем был, выскочил на улицу, не заботясь о совсем не располагающей к прогулкам в одной футболке и легких штанах погоде. Он и сам до конца не понимал, что пытался сказать и сделать, практически захлебнувшись от накативших эмоций, поэтому просто остановился посреди дороги и начал вдыхать холодный осенний воздух, надеясь, что тот хоть как-то сможет прояснить его ум.

Яреци Фернандез

Девушка робко наблюдала за ним, тоже стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Когда он устало ответил на её извинения, она сглотнула и зажмурилась, крепче сжав руками пиалу с кофе. Он обжигал ладони, но поставить пиалу куда-то означало освободить руки от этого, а куда их потом деть? Не скрещивать же на груди и не вставать в позу Наполеона? Поэтому приходилось терпеть. Она отпила немного кофе, обожгла губы, поморщилась и посмотрела в окно.

Тору попробовал её еду, и щёки налились румянцем. Сама она пробовала во время приготовления, и ей показалось, что где-то чего-то не хватает, и вообще вкус получился пресный. Она до сих пор была слишком критична к себе, и никак не могла избавиться от этого чувства. Надо что-то менять, но пока ничего не получается. Она боится, что что-то сделает не так.

Сейчас снова ей показалось, что она что-то сделала не так. Затянувшееся и угнетающее молчание нарушил хруст палочки, звон опрокинувшийся пиалы и какой-то резкий голос Тору. Он очень быстро убежал, и она мотнула головой. Хлопнула входная дверь, и девушка болезненно поморщилась, прикрыв глаза. Что теперь делать? Идти за ним, пытаться поговорить с ним? Или остаться здесь? Что будет правильно? Вдруг если она пойдёт за ним, постарается его утешить, развести на разговор, то он разозлится, и это будет конец их... дружбе? Да, наверное... А если она останется здесь, то... он там стоит, один, без куртки. Вдруг он заболит? Она же будет винить себя, что не пошла за ним...

Выпив ещё немного кофе, девушка поставила пиалу на стол и направилась за мужчиной. Это всё казалось слишком странно, что она, ещё совсем девчонка, у которой шалют гормоны, пошла успокаивать взрослого зрелого мужчину. Нет, всё должно быть совсем по-другому. Но всё было именно так, и от этого было страшно. Она увидела на вешалке его куртку и вышла из дома.

Он стоял недалеко. Их разделяли каких-то несколько шагов. Она осторожно подошла к нему, встала перед ним, протянула куртку и, набравшись смелости, взяла его лицо в свои руки. Встала на носки и заглянула в его глаза.

- Тору... - и всё, слова застряли где-то в районе горла. Боясь близости, она отступила от него на шаг и опустила голову. - Надень куртку, а то замёрзнешь и заболит, - тихо прошептала она, заливаясь краской смущения. Хотя самой было холодно, и тело начала сотрясать мелкая дрожь. Но она не переживала за себя, ей было больно и страшно осознавать, что Тору, её любимый Тору

простудится из-за её глупости...

Тору Мотидзуки

Долгожданное облегчение все не наступало. Тору видел, как его тело характерно подрагивает от холода, но почему-то ничего не ощущал. Хотя ему, в любом случае, было бы плевать. Мотидзуки не боялся простудиться. Он вообще не боялся ничего, кроме того, что могло ждать за дверью его временного пристанища. И понимание этого заставляло японца чувствовать себя слабым, чего он ненавидел больше всего на свете.

Наедине со своими мыслями Тору оставался недолго. Воплощая его страхи в жизнь, Яреци вышла вслед за ним и протянула куртку, в очередной раз проявляя заботу и не думая о том, что она сама одета совсем не по погоде. На автомате японец принял куртку, но последовавшее за этим, казалось бы, простым жестом прикосновение нежных девичьих рук к его лицу, сопровождаемое выворачивающим наизнанку душу взглядом Яреци, снова «прорвало плотину» и спровоцировало очередной эмоциональный всплеск.

- Да плевать на меня, сама надевай или иди в дом, - Тору протянул куртку, чтобы вернуть ее девушке. — Зачем ты вообще вышла? Неужели не замечаешь, как на меня действует вся эта забота? Не видишь, что я с ума схожу от любого твоего прикосновения? Не понимаешь, что я, вопреки здравому смыслу, мечтаю сделать тебя своей женщиной? Что я, как последний идиот, кретин и больной извращенец, даже зная, что не должен, но все равно тебя... люблю.

Если до последнего слова Тору практически кричал, то это вырвавшееся «люблю», в котором он признался впервые самому себе, японец произнес практически шепотом. Но в наступившей относительной тишине его шепот казался громче, чем предшествующие этому крики и все посторонние шумы. Рука с курткой безвольно повисла, и он сам опустил глаза и упер их в землю, не желая видеть реакцию Яреци на его признание. Когда за спавшей пеленой эмоций проступил разум, он почувствовал себя последним истеричным дураком, устроившим концерт на пустом месте. Но сказанное, как и сделанное ночью, уже невозможно было вернуть назад и ему следовало подготовиться к встрече с последствиями, о характере и тяжести которых Тору мог пока только догадываться.

Яреци Фернандез

Наверное Яреци надо было поступить как-то иначе, а не стоять здесь, под дождем, рядом с этим человеком. Не слушать его поток слов, не смотреть на его лицо. Наверное стоило просто уйти. Но это будет эгоистично с ее стороны. Да, она не понимала, почему ее прикосновения, ее внимание кажутся какой-то пыткой. Она не понимала, что надо делать сейчас. Ему плохо, он страдает, и, как это ни парадоксально, сейчас они поменялись местами. Теперь она должна его успокоить. Должна ли? Или ему, наоборот, нужно только чтобы она ушла от него и оставила его одного? Как правильно? Где вообще написано, как правильно надо делать?

Кто-то обернулся на этот крик, и Яреци снова залилась краской смущения. Все должно быть по-другому. Но это "люблю", произнесённое почти шепотом, резануло по сердцу острым мечом. Это слово дало ей надежду. И стало страшно, а что будет

дальше за этим. Что теперь делать? Она глубоко вздохнула и посмотрела на небо, затянутое серыми тучами. Дождь, который прекратился некоторое время назад, снова начался. Теперь он был сильный, конечно, не такой, как в Москве. А еще он помогал прятать слезы.

Она взяла у него из рук куртку и, немного подумав, накинула ее на его плечи, стараясь не прикасаться к нему, чтобы лишний раз не вызвать у него очередной поток боли. Встала рядом с ним и посмотрела на его профиль.

- Ты мне когда-то говорил, что нельзя быть такой доброй, всем помогать. Но я не могу по-другому. Я... я не хочу, чтобы ты страдал, я... я не знаю, что мне делать. Если я причиняю тебе страдания, то... - Она опустила голову, пытаясь подобрать слова и понимая, что в очередной раз несет всякую ересь. - Давай пройдемся. Я люблю гулять под дождем, вода очищает разум и душу. Не беспокойся обо мне, я не заболею. Но прошу только, надень куртку.

И она протянула ему руку, будто проводник заблудившемуся путнику. Но через мгновение ее убрала, боясь, что это может быть лишним...

Тору Мотидзуки

Перемещение куртки из его руки на плечи заставило Тору поднять глаза и внимательно посмотреть на Яреци. Девушка выглядела растерянной. Вероятно, в силу возраста и практически полного отсутствия чувственного опыта она не поняла и половины из его слов, сделав какие-то неправильные выводы. Что, собственно, и подтвердилось ее осторожными движениями, нескрываемыми попытками избежать с ним даже малейшего физического контакта и последовавшими за всем этим сомнительными словами.

Со вздохом, выражающим смирение и вынужденное принятие всего происходящего, Тору просунул руки в рукава, оставляя куртку расстегнутой, повернулся к стоящей рядом Яреци и притянул ее к себе, укрывая с двух сторон и позволяя куртке защищать от холода и, частично, дождя их обоих. Несмотря на уверения девушки, что она готова гулять без теплой одежды, чувствовалось, что за проведенные на улице минуты она успела основательно замерзнуть, и это если не вспоминать о том, что девушка умудрилась какое-то время проспать, сидя на крыльце. Так что идея разделить одно тепло на двоих показалась Тору еще более уместной, чем минуту назад, когда он только приступил к ее воплощению.

- Какая же ты у меня все-таки дурочка. – Голос Тору звучал нежно, стремясь стереть эффект от его недавних криков. – Неужели не понимаешь, что без тебя мне еще хуже? И как же я умудрился так влипнуть? Вроде серьезный взрослый человек...

Тору встретился с Яреци взглядом, и эти несколько секунд, пока он смотрел в ее глаза, сказали ему самое главное. Что бы он ни делал, как бы ни старался сопротивляться или гнать из головы лишние мысли, он все равно проигрывал своим желаниям. И, чтобы дольше не мучить себя и любимую женщину стоило с этим смириться и подумать, как им в этой ситуации поступать дальше. Не рассматривая, конечно, вариант с расставанием, который уже успел показать себя как провальный.

- Что ты там собиралась сделать, если причиняешь мне страдания? – Приняв решение, Тору постарался каким-то образом донести его и до Яреци. - Сбежать? А как же взять на себя ответственность за все сотворенное безобразие? Да и в любом случае, как будто тебя кто-то отпустит. Вот ведь наивная. Раз у тебя такой плохой вкус на мужчин, что ты выбрала меня, то теперь со мной и будешь мучиться.

Начавшийся несколько минут назад дождь усилился, намекая, что неплохо бы перейти под крышу, но Тору не хотелось выпускать девушку из своих объятий, боясь, что, опять что-то неправильно поняв или испугавшись, она попытается от него отдалиться. С момента своего более близкого знакомства с Яреци, чем стандартное общение на занятиях, он научился ценить редкие мгновения близости, которые были прекрасны всем, кроме одной мелочи – они быстро заканчивались.

Яреци Фернандез

Он ее притянул к себе, и она болезненно поморщилась. Положила голову на его грудь и закрыла глаза. Она хотела что-то сделать с руками, но в последний момент передумала обвивать шею мужчины. Дождь перестал капать на лицо, а посему потребовалось взять себя в руки и перестать реветь. Но почему это так тяжело?

- Мне без тебя тоже плохо, Тору... я не хочу тебя терять, но... - прошептала она, не поднимая головы. - Но... я ничего не знаю... я... - она запуталась в формулировках и замолчала, в очередной раз залившись румянцем смущения. Она и сама не поняла, что хотела сказать.

А Тору продолжал говорить. Его голос успокаивал, давал какую-то надежду, что завтра будет определенно лучше, чем вчера.

- Нет. Я думала, что нам просто нужно ненадолго расстаться. Я... мне надо вернуться домой, решить с институтом, - "попросить у папы прощения", - я буду приезжать на каникулы. Так должно было быть. Но почему так не стало? Почему я все время думала о тебе? Я... помнишь, ты мне тогда, когда я рисовала твой портрет, сказал, что я польстила тебе, нарисовав совсем не то... ты...

И снова она замолчала, поняв, что в очередной раз сказала совсем не то, что он ждал. Действительно, дурочка. И психованная истеричка. Хотя сейчас истеричкой был именно Тору, и это осознание вызвало у нее слабую улыбку. Она подняла голову и посмотрела в его глаза.

Тору Мотидзуки

Трудно было найти человека, который мог бы все так же качественно запутать, как Яреци, сказав много, но ничего толком не объяснив. И хоть Тору уже привык к направленному в свой адрес со стороны девушки словесному потоку, это не мешало ему каждый раз удивляться ее потрясающим способностям.

- Женщина, - практически простонал Тору в ответ на ее путаный рассказ, встречаясь с ней глазами. – Пожалей мой бедный мозг. Я опять ничего не понял, кроме того, что ты чего-то не знаешь, хочешь вернуться, чтобы разобраться с институтом и с моим портретом какая-то ерунда. Так вот, авторитетно заявляю, что все, что не знаешь,

можно узнать, а любую проблему решить. Но давай, не сейчас. В смысле, если хочешь что-то узнать, я все расскажу, а со сложными вопросами мы разберемся потом. Даже я уже устал думать о том, как все плохо, и хочу немного душевного покоя.

Дождь тем временем не только не собирался заканчиваться, но, казалось, наоборот решил взять двух упрямцев измором и выгнать со своей территории. Куртка совершенно не спасала, а остальная промокшая одежда только добавляла чувство холода. Оглядевшись по сторонам, Тору обнаружил, что других любителей непогоды в округе не наблюдалось. Видимо, только они с Яреци страдали достаточным скудоумием, чтобы заниматься выяснением отношений посреди улицы во время дождя, в то время как все нормальные люди грелись в своих домах.

- Ты вся промокла. Нужно вернуться в дом и переодеться во что-нибудь сухое. А то заболеешь. Сразу предупреждаю, стоит тебе хоть раз чихнуть, и я пусть даже силой затащу тебя в постель и не выпущу из нее, пока не посчитаю нужным.

Незапланированная двусмысленность последнего предложения заставила Тору резко замолчать и с опаской посмотреть на реакцию Яреци. Он надеялся, что девушка со свойственной ей невинностью не обнаружит в его фразе никаких дополнительных смыслов. В конце концов, он же просто хотел проявить заботу, а то, что получилось не совсем то, что он собирался сказать изначально... Ну что же поделать, с этим приходилось просто смириться.

Яреци Фернандез

Когда Тору начал говорить, она побледнела, понимая, что он достаточно терпеливый человек. Ей казалось, что любой другой бы на его месте отправил бы её по давно всем известному адресу, не вдаваясь в философствование и комментарии. Но он не только слушал, но и комментировал. И прижимал к себе. Ей было приятно, что он обнимает её, ей нравилось чувствовать его сильные руки на своём хрупком теле, она хотела раствориться в его объятиях, тонуть в его глазах. Но она не решалась его снова обнимать, запускать руки в его волосы. Почему? Она так и не могла ответить на этот вопрос. Возможно, было страшно, что что-то может снова пойти не так.

Она только открыла рот, чтобы в тысячный, а может миллионный раз произнести тысячу извинений, но на нос капнула очередная капля дождя, такая неожиданная, заставившая её вздрогнуть и забавно чихнуть. Тору очень внимательно посмотрел на неё, а потом сказал, что будет ухаживать за ней, если она хоть раз чихнет. Шальная мысль, прокрававшаяся словно вор в голову, хотела подговорить её чихнуть, но была изгнана с позором. Губы девушки расплылись в глупой и счастливой улыбке. Она всё-таки запустила пальцы рук в его волосы, глядя в его глаза. Почему-то вторая мысль, забредшая в голову, оказалась вообще какой-то ужасной. Девушка вспомнила какой-то фильм со Сталлоне и Шерон Стоун, где они мило занимались сексом в душе. Фильм она смотрела очень давно, ей тогда было лет десять, кажется, и родители эту сцену промотали. Но любопытной девочке было очень интересно посмотреть, что же там была за сцена. И вот сейчас она гнала эту мысль, решив, что, успокоившись немного, что-нибудь перекусив, займётся работой с ментальным щитом.

- Если что, я чихнула до того, как ты это сказал, - она лукаво улыбнулась и поцеловала его в щёку, - но тогда у меня к тебе такое же условие. Я, в отличие от тебя, хотя бы в джемпере. Пусть он и мокрый, но хотя бы согревает. Да и говорю же, что люблю дождь. Я даже как-то несколько дней назад, ещё в Москве, попала под сильный ливень. Ну... просто гуляла под дождём... и не заболела. Так что, думаю, тебе самому надо принять душ и переодеться. А я пока подогрею макароны и сварю ещё кофе.

Но она пока не желала разрывать объятия. Также как и не желала его поцеловать. Точнее желала, но боялась. Хотя что-то ей подсказывало, что теперь станет немного легче в этом плане. По крайней мере, они оба выговорись и расставили всё по своим местам.

- Спасибо тебе, Тору. И... просто спасибо, - тихо прошептала она. Конечно, ещё рано было говорить о том, что будет когда-то, может у них ничего не получится. но...

Тору Мотидзуки

К счастью Яреци не заметила в его словах дополнительных смыслов, и Тору позволил себе немного расслабиться. Не хватало еще спугнуть ее, когда у них только начало вырисовываться что-то, пока еще отдаленно, но уже похожее на определенность. Хотя, вспомнив, с какой страстью девушка отвечала ночью на его поцелуи, он подумал, что пугливость и смущение Яреци отличаются непостоянством, появляясь и исчезая в самый неожиданный момент.

Встряхнув головой, чтобы избавиться от накативших будоражащих воспоминаний, Тору собрался, прислушался к тому, что говорит Яреци и чуть не засмеялся, представив, как бы выглядела ситуация, если бы хрупкая девушка силой тащила его в постель, а он бы упирался, плакал и звал на помощь.

- До чего же ты милая! - Тору крепче сжал ее в своих объятиях и позволил себе ответный поцелуй в щеку. А потом еще один. И еще... И не только в щеку...

- Джемпер у нее, значит, который хоть и мокрый, но согревает. – Продолжил Тору, наконец, оторвавшись от своего приятного занятия. - Чтобы сразу как войдем в дом, все с себя сняла.

Нет, сегодня у него явно не складывалось с формулированием своих мыслей. И если бы Яреци замечала его забавные оговорки, то он бы уже, наверное, получил от нее по голове. А может и не получил. С этой удивительной девушкой трудно было быть уверенным в том, что касалось ее реакции на его слова или действия.

Нехотя выпустив девушку из своих объятий, Тору взял ее за руку и побежал в сторону дома. Пожалуй, Яреци была права, наказывая ему привести себя в порядок. Руки так и зудели от желания, сорвать с себя мокрую футболку и почувствовать на своем теле струи уже горячей воды. И он уже не был уверен, что щадя непривыкшую к подобного рода зрелищам Ярецы, не начнет стаскивать с себя раздражающую его одежду прямо с порога.

Яреци Фернандез

А вот он её поцеловал. И ещё раз И снова. Она растеклась тёплой лужицей от этого, с приятным удивлением заметив, что так долго мучившая её головная боль наконец-то проходит. А то тяжело, знаете ли, месить тесто и раскатывать его, когда любое твоё действие отдаётся пронзительной и острой болью где-то в висках. Но об этом лучше никому не знать. Она списала это всё на постоянные стрессы и панические атаки, а также поняла, что надо действительно продолжать учиться удерживать ментальный щит. В общем начинать всё сначала. А то появилось такое ощущение, дурацкое, что весь навык исчез, и, чтобы восстановить его, нужно всё начинать сначала. Это как управлением транспортным средством.

- Мне не холодно, честно, - пожала она плечами, облизывая губы, на которых сохранился вкус поцелуя. - Хотя ты всё равно не поверишь, так что придётся выполнить твою просьбу... приказ... наставление. Даже не знаю, как назвать, - она улыбнулась, глядя на него предельно серьёзным взглядом. Потом расцепила свои объятия и прислонилась тыльной стороной ладони к его мокрому носу. Он был холодный, и она хмыкнула. - А ты марш в душ, и чтобы пока не согреешься я тебя не видела.

И снова сомнения, правильно ли она себя ведёт. Как вообще надо себя вести с ним? У них большая, нет, огромная, разница в возрасте, и ему когда-нибудь может надоесть её непосредственность и наивность. Наверное, ей надо стать серьёзной и неразговорчивой, соглашающейся с ним. У них разные принципы, взгляды на жизнь, вообще всё разное. И она не знала, что и как делать, чтобы подарить этому удивительному человеку покой, уют и кусочек счастья. Во всех книгах, что она читала, женщины были кроткими, послушными, спокойными. Всем правили мужчины, а жёны их ждали, готовили поесть, разговаривали. Были, конечно, и другие романы, где женщины, наоборот, пользовались мужчинами направо и налево, а потом жестоко обходились с ними. Яреци знала, что никогда не сможет такой быть, хотя если вспомнить то применение ментальной магии, когда она внушила Максу, что надо заниматься, а потом его бросила...

Она мотнула головой. В этот момент Тору разорвал объятия, взял её за руку, и они побежали в дом. Девушка сняла с себя мокрый джемпер, оставшись в домашней футболке с микки маусом. Собственно, это и была её одежда, в которой она сбежала из дома. Не очень потребный вид, чтобы соблазнять мужчин. Впрочем, она ехала сюда не соблазнять мужчин, а спасти одного-единственного, думая, что он в опасности. Что же, теперь надо вернуться к макаронам. А ещё и столик помыть, на который разлился кофе. Чем она, собственно, и занялась.

Тору Мотидзуки

Вроде бы Тору еще недавно помнил, что он взрослый солидный мужчина, уважаемый в профессиональных кругах, но все что он сегодня делал, больше напоминало поведение подростка, с его бурными эмоциональными реакциями, милыми глупостями и заиклостью на отношениях с девочками. В случае Тору – с одной конкретной юной особой, обладающей какой-то невообразимой силой, способной сломать прочную стену, которую он воздвиг между собой и женщинами моложе его больше чем на десять лет. Раньше он никогда не проявлял интереса к столь молодым созданиям женского пола, игнорируя любые провокации со стороны

некоторых студенток, а тут, неожиданно для себя, влип по самые уши. И, что самое страшное, уже не хотел из этого выбираться.

Несмотря на мрачные прогнозы, Тору все же вытерпел и не стал раздеваться прямо на ходу, занявшись этим в более подходящем месте. Спорить с Яреци по поводу того, что из них больше замерз, он не стал, экономя время, потраченное бы, в противном случае, на препирательства, решив закончить со всем поскорее и посмотреть, как себя чувствует девушка. С различными водными процедурами и переодеванием в сухую одежду он справился настолько быстро, насколько мог. То есть намного быстрее, чем рассчитывала Яреци. Предположив, что она, даже если и сняла джемпер, то все равно не успела нормально согреться, Тору вытащил из своих запасов небольшой шерстяной плед и отправился на разведку, стараясь, как и положено опытному разведчику, двигаться максимально тихо.

Девушку он обнаружил, стоящую к нему спиной и протирающую многострадальный столик, недавно его стараниями залитый кофе. Если японец что хорошо и умел, так это двигаться быстро и бесшумно, так что у его ничего не подозревающей добычи не оставалось ни шанса. Его стратегия была очень проста – сзади набросить плед ей на плечи и прихватить ее самому, с чем он вполне успешно справился, доказав, что в этом доме он самый успешный хищник.

- Попалась, - снова демонстрируя не слишком взрослое поведение, довольно заявил Тору. Не взирая на возможные возражения со стороны Яреци он начал активно укутывать ее в плед, параллельно что-то беззлобно ворча о забывающих о своем здоровье девушках. Эта простая бытовая ситуация мгновенно подняла ему настроение и позволила забыть об отложенных на неопределенный срок непростых решениях. И, пожалуй, она действительно стоила всех сегодняшних переживаний и истерик.

Яреци Фернандез

Протирая монотонно стол тряпочкой, она чихнула и слегка опасливо осмотрелась, словно маленький воришка. Прислушалась. В ванной лилась вода, и она облегченно выдохнула. Вернулась к своему занятию, думая, что может следовать за всем произошедшим. В голове крутилось множество вопросов, снова заболела голова. Она не знала, что делать дальше. Вдруг ему нужно сократить расстояние, быть ближе к ней? Конечно, он ведь нормальный мужчина, зрелый, сильный. Он всё знает, умеет. У него была жена. Они развелись. Интересно, почему? В книжках написано, что жены уходят, если их не удовлетворяют. Это редко. Обычно если, наоборот, они не удовлетворяют, показывают характер, не подчиняются. Или, наоборот, подчиняются... Ох, если бы жизнь была проще, если бы можно было взять какой-нибудь роман и жить по нему. Кто может ответить на этот вопрос, как быть дальше? Как не переступить ту невидимую черту между его терпением и злостью?

Она была погружена в свои невеселые мысли, поэтому не услышала, как в ванной стало тихо. Только сильно вздрогнула от неожиданности, когда на плечи опустился теплый шерстяной плед, а сильные дорогие руки даже не дали пошевелиться - так крепко обняли. Она счастливо улыбнулась, повернула к нему голову и посмотрела в его лукавые глаза.

- Да я никуда и не хотела сбегать, сейчас уже нет смысла, - заворчала она, выпутываясь из его объятий. - Присаживайся, сейчас будем кушать.

Она поставила перед ним миску с пастой и села напротив, все еще придерживая плед, который все норовил упасть. Палочками макароны было есть непривычно, поэтому с этим возникли некоторые трудности. Она пока не знала, о чем с ним говорить, поэтому здесь повисло молчание. А потом за окном выглянуло солнце, и она вытащила его гулять, благо после дождя было свежо и хорошо. На небе образовалась радуга, хотелось танцевать и радоваться, но она пока не знала, как себя правильно вести с ним. Быть ребенком или забыть обо всех маленьких радостях вроде любования радугой после дождя или прыгания через лужи, чем она очень хотела сейчас заняться... В общем, впереди ждало много работы, но сейчас она не была уверена, что сможет вот так просто что-то менять. Но она хотела, чтобы Тору почаще улыбался. Ему очень идет улыбка, он просто обязан быть счастливым. И она приложит максимум усилий, чтобы подарить ему хоть немного душевного тепла.

- Давай зайдем на рынок, там должна продаваться курица. Я тебе завтра сделаю кесадилью. Это мексиканское блюдо. Я все равно сделаю, возражения не принимаются.

А потом они гуляли. По деревне, немного побродили по горам. Разговаривали обо всем и ни о чем... На закате они вернулись домой. Девушка посмотрела на небо, увидела прекрасную Венеру, которая манила. Самая первая звезда на темнеющем небе. Губы тронула легкая и счастливая улыбка.

- Спасибо тебе, Господи, что подарил Тору немного счастья, - на испанском прошептала девушка. И вместе с мужчиной вошла в дом.

А после ужина, когда стемнело окончательно, они легли спать. Каждый в своей комнате...
